

НАРРАТИВНЫЕ ПЕРСОНЫ В ТРИАДОЛОГИИ ТЕРТУЛЛИАНА

П. А. БУТАКОВ

Институт философии и права СО РАН (Новосибирск)
pavelbutakov@academ.org

Pavel Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk, Russia)

NARRATIVE PERSONS IN TERTULLIAN'S TRINITY

ABSTRACT. Tertullian employs two distinct ways of describing the Trinity in his work *Adversus Praxean*: a metaphysical and a narrative description. He specifically uses the term "persona" to refer to the Father, Son, and Holy Spirit only in the narrative description, indicating a character in the story. In a dogmatic context, he prefers the metaphysical term "gradus" instead. It was later generations of Christian theologians who transformed Tertullian's narrative term 'person' into a dogmatic term. Tertullian would have objected to the formula "one God in three Persons." Therefore, the widely held belief that he authored the formula is misleading.

KEYWORDS: person, Tertullian, Trinity, narrative, modalism.

1. Введение

В латинской христианской традиции о Боге принято говорить как о Троице (*trinitas*): единой сущности (*una substantia/essentia*) в трех Лицах (*tres personae*). Слова *trinitas*, *substantia* и *persona* уже встречаются в работах самого первого латинского богослова – Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана (ок. 160 – ок. 225). Несмотря на то, что поиски более удачной терминологии продолжались в церкви до V века, в итоге выбор пал на те слова, которые были изначально использованы Тертуллианом. Восхищаясь гениальностью Тертуллиана, будущий папа Бенедикт XVI писал: «Как он сумел подыскать это слово [*persona*] со столь сомнамбулической уверенностью?» (Ratzinger 1990, 440). И действительно, как мог один провинциальный мирянин без богословского образования, без багажа христианской латыни, без тесного сообщества

церковных интеллектуалов «с нуля» предложить наиболее оптимальное решение той задачи, над которой еще несколько столетий после него будут биться лучшие умы?

Цель данной статьи состоит в том, чтобы скорректировать представления о вкладе Тертуллиана в создание церковной терминологии. Я утверждаю, что слово *persona*, которое является ключевым термином латинской тринитарной догматики, вовсе не было предложено Тертуллианом в качестве такового. Тертуллиан предложил другой термин – *gradus*, который последующая богословская традиция начисто проигнорировала, а слово *persona*, которое позже было взято на вооружение, Тертуллиан использовал в других целях и в других значениях: нарративном, канцелярском и грамматическом, но никак не в догматическом. Поэтому титул «создателя церковной латыни» может быть присужден Тертуллиану лишь с некоторыми оговорками.

2. Polemika с модализмом

Уже более полутора тысяч лет западные христиане называют Отца, Сына и Святого Духа «Лицами» (лат. *personae*), а восточные – либо «Лицами» (πρόσωπα), либо «Ипостасями» (ὑποστάσεις). Но во времена Тертуллиана этих терминов еще не существовало, поскольку авторы библейских книг и древних богослужебных текстов обходились без терминов «троица» и «ипостась», не пытались дать название тому, чего в Боге три, и не применяли число «три» к Богу. Начиная со II века в связи с возникновением множества противоречивых учений о библейском Боге христианским богословам понадобился дополнительный понятийный аппарат для более строгого изложения ортодоксальной тринитарной доктрины. Наибольшее затруднение вызвал поиск того термина, который должен указывать на множественность в Боге.

Основным источником сведений о тринитарном учении Тертуллиана является его трактат «Против Праксея», в котором он защищает ортодоксальное учение о триедином Боге от ереси модализма. Главная идея модализма состоит в том, что имена «Отец», «Сын» и «Святой Дух» обозначают лишь модусы одного и того же Бога, что Сын и Дух – это и есть Отец, что Отец родился от Девы Марии и был распят на кресте, что в Боге нет никакой множественности и никаких различий. В ответ на это Тертуллиан утверждает, что в Боге есть различие между Отцом, Сыном и Духом, при этом Бог един и его единство не нарушается данным различием. Тертуллиан смело применяет к Богу числительное «три», называя Отца, Сына и Духа «тремя» или «троицей» (*trinitas*). При этом было бы неправильно применять число три ко всему, что касается Бога. Например, сущность (*substantia*) у Бога одна, одно могущество

и одно величие (*Prax.* 2.4). Но есть и то, чего в Боге не одно, а три. Каким же термином Тертуллиан называет то, чего в Боге три?

В трактате «Против Праксея» Тертуллиан использует пять разных слов для обозначения Отца, Сына и Святого Духа: чаще всего встречается слово *persona*, чуть реже – *gradus*, *forma*, *species* или *res*. Последующие поколения латинских богословов выбрали в качестве ключевого догматического термина лишь одно из пяти предложенных Тертуллианом слов – *persona*. Однако сам Тертуллиан вряд ли согласился бы именно с этим выбором, поскольку слово *persona* оказывается самым неудачным из пяти именно для полемики с модализмом. Для обоснования этого заявления нам необходимо рассмотреть значения слова *persona* в повседневной латыни времен Тертуллиана.

3. Значение слова *persona*

Если кратко обобщить варианты использования слова *persona* в латыни II века н.э., то можно выделить три основных значения: нарративное, канцелярское и грамматическое¹.

К нарративному значению относятся те случаи, когда слово *persona* указывает на некую *роль* (Brouwer 2019). Изначально это слово означало маску – театральную или посмертную. Название театральной маски подразумевало персонажа пьесы, его драматическую роль. Посмертная маска напоминала потомкам о той роли, которую славный предок сыграл в своей жизни, и придавала ему статус ролевой модели. Слово *persona* могло означать как одну, главную роль в жизни (e.g. *Sen. Ep.* 120.22), так и несколько ролей, которыми человека наделила судьба – например, быть гражданином, родителем, человеком (cf. *Cic. Off.* 1.107, 115). Также это могла быть и непродолжительная роль в какой-то конкретной ситуации, например, в судебном процессе: истец, ответчик или судья (cf. *Cic. de Or.* 2.102). Все эти роли формулируются в контексте явного или подразумеваемого нарратива: жизнеописания, рассказа о реальном событии или вымышленной истории, где *persona* – это персонаж этого нарратива.

В качестве канцеляризма слово *persona* употреблялось в формальном, преимущественно юридическом языке. Оно не имело никакого особого значения и выполняло функцию пустого синтаксического «заполнителя» предложения. В этом же значении слово «персона» может использоваться и в русском языке, когда вместо того, чтобы сказать, например, «накрыть стол на

¹ В данном разделе я обобщаю и кратко излагаю распространенные историко-филологические сведения, которые без существенных различий приводятся в многочисленных публикациях, посвященных истории понятия персона/личность.

пятерых», мы говорим «накрыть стол на пять *персон*». Когда юристы говорят о «персоне, совершившей правонарушение» или что «наследство принадлежит персоне, указанной в завещании», то такие фразы не содержат никакой информации о том, что представляет собой эта персона. В юридической латыни *persona* – это просто некий условный человек, субъект права, без каких-либо подразумеваемых качеств.

Наконец, слово *persona* использовалось в грамматике для обозначения формы глагола. В I веке до н.э. Варрон, рассуждая о спряжении глаголов, отмечает «тройную природу персон» (*personarum natura triplex esset*): кто говорит, кому говорит и о ком говорит (*Ling. VIII.20*). В этом же смысле и мы указываем первое, второе или третье *лицо*, имея в виду форму глагола.

Теперь вернемся к полемике Тертуллиана с модализмом. Перед Тертуллианом стоит задача подыскать такой термин, который помог бы недвусмысленно отличать ортодоксальное вероучение от ереси. Слово *persona* не подходит для этой цели. В случае нарративного употребления оно указывает лишь на исполняемую роль. Модалист Праксей, с которым полемизирует Тертуллиан, легко согласился бы с тем, что у Бога несколько персон в нарративном смысле слова. Главная идея модализма как раз и заключается в том, что один и тот же Бог выступает в роли (модусе) Отца или Сына или Святого Духа. Также модалисты вполне могли бы описать Бога канцелярским языком как совокупность персон: персону, создавшую мир, а также персону, распятую на кресте, и персону, обитающую в сердце человека. Наконец, грамматическое значение слова *persona* тоже могло быть использовано модалистами, например, для описания того, как Бог говорит о себе либо в первом лице, либо во втором (как бы обращаясь к самому себе), либо в третьем (в каком-нибудь абстрактном контексте). Следовательно, слово *persona* не годится для успешной полемики с модализмом, поскольку оно не подчеркивает, а, наоборот, затуманивает различие между двумя учениями.

Таким образом, утверждение о том, что Тертуллиан выбрал слово *persona* в качестве оптимального термина для ортодоксальной догматики, характеризует его как недальновидного полемиста и богослова. Но поскольку такая оценка Тертуллиана очевидно неверна, то следует признать, что он не мог выбрать слово *persona* в качестве ключевого догматического термина. Однако факты остаются фактами: 1) Тертуллиан действительно использует слово *persona* в полемике с модализмом; 2) он использует это слово именно для того, чтобы подчеркнуть нетождественность Отца, Сына и Святого Духа; 3) он употребляет это слово заметно чаще, чем другие слова, используемые для той же цели. Чем же объяснить настойчивое употребление этого неудачного для полемики с модализмом богословского термина?

Среди исследователей творчества Тертуллиана нередко встречается мнение, что он употребляет слово *persona* в каком-то особом христианском смысле. Если принять такую точку зрения, то этот особый смысл мог бы как-то оправдать использование данного термина в полемике с модализмом. Действительно, более поздняя христианская традиция наделила слово *persona* новым богословским значением. Сначала, во многом благодаря Августину, оно стало чисто техническим тринитарным термином, лишенным его обыденного значения и лишь указывающим на троичность в Боге (Doran 2019, 109). В дальнейшем значение этого термина постепенно уточнялось и наполнялось теми смыслами, которые соответствуют ортодоксальной доктрине и не подходят для еретических учений, в частности, благодаря Боэцию и его определению персоны как «индивидуальной субстанции разумной природы» (*C. Eutychn.* 3.5). Учитывая историю трансформации понятия *persona*, некоторые исследователи заявляют, что у Тертуллиана уже можно обнаружить зачатки указанных новых смыслов. При этом они не приводят никаких подтверждений данному заявлению, поскольку, на мой взгляд, их просто не существует. Необоснованное приписывание Тертуллиану более поздних богословских идей – это анахронизм и принятие желаемого за действительное, поэтому данное объяснение должно быть отвергнуто.

В данной работе я предлагаю свое объяснение, почему Тертуллиан так активно использует столь неподходящее для полемики с модализмом слово *persona*. Это объяснение основано на необходимости различать два разных способа описания Бога, которые Тертуллиан использует в трактате «Против Праксея» – *метафизический* и *нарративный*. Далее я покажу, что в догматических рассуждениях, где применяется метафизический способ описания, Тертуллиан предпочитает использовать термин *gradus*, а слово *persona* встречается исключительно в нарративном описании и, следовательно, не претендует на статус догматического термина. Но прежде чем перейти к более детальному рассмотрению применения Тертуллианом этих двух способов описания Бога, необходимо сначала прояснить их общую суть и их название.

4. Метафизическое и нарративное описание

По-видимому, многие исследователи по умолчанию полагают, что все фрагменты трактата «Против Праксея» являются элементами однотипного рассуждения, что в итоге приводит к насильственной интерпретации и ошибочным выводам. На деле, в рассуждениях об Отце, Сыне и Святом Духе Тертуллиан использует два разных способа их описания, две разные методологии. В общих чертах, первый способ сводится к построению абстрактной

теоретической модели Божества: перечислению элементов этой модели, выбору названий для этих элементов, перечислению их свойств, их действий и отношений между ними. Такая модель является универсальной: она не привязана к какому-то отдельному событию, истории или ситуации. Даже если Тертуллиан исходно основывает ее на каких-то конкретных библейских сюжетах или текстах, эти тексты не используются в описании модели. Второй способ описания всегда привязан к какому-то конкретному нарративу – истории, событию или тексту, в котором Лица Троицы выступают как участники этого нарратива. Первый способ описания Троицы, который я называю *метафизическим*, является абстрактным, вневременным, универсальным и внеконтекстным. Второй способ описания, *нарративный*, привязан к повествованию о конкретном событии во времени и определяется контекстом данного повествования. Первые несколько глав трактата «Против Праксея» отведены преимущественно под метафизическое описание, где Тертуллиан предлагает общую концептуальную модель для рассуждений о Троице и умозрительные доводы в ее защиту. В последующей, гораздо более объемной части трактата, приводятся другие аргументы в защиту предложенной модели, которые основаны на толковании конкретных библейских фрагментов, и в этой части Тертуллиан, в основном, описывает Бога нарративным способом.

Использование Тертуллианом двух способов описания Троицы кратко отмечает Эрик Осборн (Osborn 2003, 132), называя эти подходы «метафизическим» и «икономическим» (*economic*). Я считаю термин «метафизический» вполне подходящим по смыслу и заимствую его именно у Осборна. Однако термин «икономический» здесь, на мой взгляд, является неудачным по двум причинам. Во-первых, традиционно христианские богословы противопоставляют «икономическое» («домостроительное», т.е. творческое или сотериологическое) описание Троицы «имманентному» описанию; другими словами, действия Лиц Троицы, обращенные вовне, к миру (*opera ad extra*) противопоставляются действиям, направленным «внутри», к другим Лицам (*opera ad intra*). Однако обсуждаемое нами различие между «метафизическим» и «нарративным» способами описания никак не совпадает с различием между «внешними» и «внутренними» действиями Лиц Троицы. Тертуллиан использует оба способа как для описания «внутреннего устройства» Троицы, так и для описания ее внешних действий. Таким образом, использование в нашем контексте традиционного богословского термина «икономический» создает ненужные ассоциации и может вести в заблуждение. Вторая причина, по которой использование термина «икономический» является нежелательным в данном контексте, заключается в том, что сам Тертуллиан

именно в этом трактате тоже использует данный термин в своем особом значении. В то время как для Осборна «икономическое» является противоположностью метафизического, а в традиционном богословии «икономическое» (*ad extra*) противопоставляется «имманентному» (*ad intra*), Тертуллиан предлагает третий вариант (хотя, исторически – первый). В трактате «Против Праксея» термин «икономия» обозначает именно *внутреннее* устройство Божества, а не внешние действия, обращенные к миру². Если бы мы, вслед за Осборном, назвали второй способ описания Троицы «икономическим», то нам пришлось бы каждый раз уточнять, в каком значении мы используем этот термин: в осборновском, в традиционном или в тертуллиановском. Использование термина «нарративный» избавляет нас от этих затруднений.

Важнейший вклад в раскрытие и объяснение нарративного подхода в богословии внес Ганс Урс фон Бальтазар в своей пятитомной «Теодраматике» (1973–1983). В ряду различных «драматических» аспектов в богословии, Бальтазар выделяет особый, «драматический» способ описания Лиц Троицы (Balthasar 1992, 366–92), который во многом совпадает с нарративным способом у Тертуллиана. Казалось бы, вместо того, чтобы вводить понятие «нарративного», мы могли бы воспользоваться уже устоявшимся авторитетным термином «драматический». Однако понятие «драматического» у Бальтазара кажется более узким и специфичным, чем простое указание на нарративный формат изложения. Бальтазар делает акцент на глобальной истории богооткровения и спасения человечества, которые он рассматривает как одну грандиозную божественную драму. В этой драме неизменно присутствует сюжет, заранее отведенные роли, сложная динамика развития и предвкушение победного финала. Я же, говоря о нарративном подходе, имею в виду, во-первых, любой повествовательный контекст, а не только глобальную историю богооткровения, и, во-вторых, обращаю внимание скорее на внешнюю форму подачи материала, а не на его богословское содержание. Вдобавок, по-

² Насколько мне известно, кроме Тертуллиана никто из богословов в тринитарном контексте не использовал термин *οἰκονομία* (домостроительство) в значении *ad intra*, но все придерживались вышеупомянутого традиционного употребления в смысле *ad extra*. Многие исследователи не учитывают данной специфики словоупотребления Тертуллиана и, интерпретируя его текст в свете традиционной терминологии, приходят к ошибочным выводам. Интересно, что сам Осборн сначала отмечает, что для Тертуллиана икономия – это «внутреннее устройство Божества», но в следующем же предложении говорит, что для Павла, Иринея и... Тертуллиана(!) икономия – это «план спасения» (Osborn 2003, 121).

нятие драмы с необходимостью подразумевает наличие сюжетной динамики, в то время как более широкое понятие нарратива допускает и короткие статичные описания. Например, предложение «*Вот перед нами в зале суда обвинитель и обвиняемый, свидетели и присяжные*» содержит достаточные признаки нарратива: конкретную ситуацию и конкретных участников. Однако оно еще не является драмой, поскольку в нем нет ни сюжета, ни развития персонажей. Таким образом, во избежание ненужных коннотаций с теорией Бальтазара³, а также ради расширения области применения термина я предпочитаю называть применяемый Тертуллианом способ описания Лиц Троицы не «драматическим», а «нарративным».

5. Нарративные и метафизические термины

В данном разделе на конкретных примерах из трактата «Против Праксея» будет показано, что выбор термина для обозначения Отца, Сына и Святого Духа зависит от способа их описания: термин *persona* Тертуллиан использует при нарративном описании, а при метафизическом – другие термины, преимущественно *gradus*. Чтобы определить, к какому из двух типов относится то или иное описание, нужно установить, привязывает ли Тертуллиан данное описание к какому-то конкретному библейскому сюжету. При метафизическом описании текст Библии либо вовсе не упоминается, либо упоминается так, что может быть опущен без существенной потери смысла данного описания. Нарративное описание всегда следует за конкретным текстом и не имеет смысла в отрыве от него.

5.1. *Persona*

Чаще всего слово *persona* в трактате «Против Праксея» встречается при обсуждении конкретных пассажей из Ветхого и Нового Заветов, в которых фигурируют два или больше персонажей. Этих персонажей Тертуллиан идентифицирует по приведенным в тексте репликам. Персонаж (*persona*) – это либо тот, кто говорит, либо тот, к кому обращается говорящий, либо тот, о ком говорят. Например, в псалмах божественные персонажи разговаривают друг с другом или говорят друг о друге (*Prax.* 11.7,10). Когда Исаия пророчески обращается к Христу, то Христос становится персонажем текста (13.2).

³ Вдобавок Бальтазар настаивает, что Лица Троицы могут быть верно описаны лишь драматическим способом: «...теологические персоны не могут быть заданы в отрыве от их драматических действий» (Balthasar 1992, 508). Признавая важность драматического подхода, я, тем не менее, вслед за Тертуллианом и всей богословской традицией вполне допускаю применимость метафизического подхода в триадологии.

Когда Отец приказывает Сыну, а Сын исполняет волю Отца, то мы видим двух разных персонажей (12.6).

Иногда Тертулиан нумерует персонажей, но не согласно какой-то иерархической диспозиции, а в том порядке, в котором они появляются в тексте. Премудрость в книге Притчей – это второй по счету персонаж после Бога (6.1). Тертулиан заявляет, что Отец должен выступать как первый персонаж, чтобы потом можно было бы логично ввести персонаж Сына (18.2).

Персонажей следует различать не только по репликам, но и по их местоположению. Отец и Сын отличаются тем, что Сын – на земле, а Отец – на небесах (21.5). Когда Христос обращается в молитве к Отцу, и Отец отвечает ему с небес, то количество персонажей равно количеству говорящих и количеству мест (23.4,7).

Нередко для различения персонажей Тертулиан обращает внимание на грамматическую форму глагола. Когда Бог говорит о Сыне в третьем лице, то он не может говорить о самом себе, в противном случае он присвоил бы себе обманным путем персонаж Сына (11.4). Христос говорит о Святом Духе в третьем лице (9.3), а в псалмах Отец и Сын обращаются друг к другу во втором лице и говорят о Духе в третьем (11.7), что позволяет идентифицировать их как трех персонажей. В начале книги Бытия Бог говорит о себе во множественном числе, тем самым указывая на более чем одного персонажа, именуемого Богом (12.3). Христос, говоря «Я и Отец одно», использует глагол первого лица множественного числа *suntis* (суть, церк.-слав.: *есмы*), подразумевая самого себя и еще одного персонажа (22.10).

Тертулиан призывает обращать внимание на то, каким персонажам приписываются одни и те же свойства. Так, Писание называет Богом и Господом более чем одного персонажа (12.4; 13.6). А еретики, не признающие Христа Богом и человеком, не замечают, что апостол Павел называет Сыном Давидовым и Сыном Божиим одного и того же персонажа (27.11).

Наконец, хочется обратить особое внимание на те «персональные свойства», которыми у Тертулиана различаются Отец и Сын. Если более поздняя богословская традиция назвала персональными («ипостасными») свойствами взаимные отношения между Лицами Троицы, то у Тертулиана такими свойствами являются, например, видимость и невидимость. Евангелия и апостольские послания противопоставляют персонажей невидимого Отца и видимого Сына (15.1). Невидимого Отца нельзя было бы увидеть даже при присутствии его персонажа, поэтому его можно опознать лишь в делах его видимого представителя – Сына (24.6). Эта представительская функция создает связку двух персонажей (24.8), поэтому слова «Я в Отце и Отец во Мне»

указывают не на какую-то внутритроическую реальность, а на упомянутое в тексте взаимодействие видимого и невидимого персонажей (24.9).

Все вышеперечисленные примеры использования Тертуллианом слова *persona* относятся к интерпретации конкретных библейских пассажей и не могут быть поняты в отрыве от текста. Это дает нам основание причислить данные рассуждения Тертуллиана к нарративному способу описания Бога. Однако в трактате «Против Праксея» есть несколько случаев, когда слово *persona* употребляется вне контекста какого-либо библейского фрагмента. Перечислим эти исключения.

Завершая раздел о Троице, прежде чем перейти к христологии, Тертуллиан, ссылаясь на процедуру крещения в Отца и Сына и Святого Духа, указывает, что мы окунаемся в воду три раза: по одному разу в каждое имя, в каждую *персону* (26.9). Также и в самом конце трактата Тертуллиан подытоживает, что Бога следует познавать в его собственных именах и *персонах* (31.2). Я полагаю, что, несмотря на отсутствие явной привязки к какому-либо библейскому фрагменту, эти два случая, тем не менее, не являются исключениями из нарративного контекста. В обоих фрагментах мы имеем дело с подведением итогов, поэтому упомянутые в них «персоны» отсылают читателя ко всем предыдущим рассуждениям о персонажах Библии.

Также в трактате есть несколько случаев, когда слово *persona* используется в обыденном канцелярском значении: монарх управляет посредством приближенных к нему персон (3.2), а представителем человека может выступать вышестоящая персона (14.9). Данные высказывания не имеют прямого отношения к Троице, поэтому использованное в них слово *persona* не относится ни к нарративному, ни к метафизическому описанию Бога.

Несколько раз слово *persona* фигурирует в цитируемых Тертуллианом отрывках из Ветхого Завета (6.2; 7.2; 14.10). По всей видимости, эти фрагменты переведены с греческой Септуагинты, и в них слово *persona* является калькой слова *πρόσωπον*, которое в данных случаях обозначает лицо как часть тела в прямом или переносном смысле, причем в этих фрагментах *persona* чередуется со словом *facies* (лицо). Коль скоро данные случаи, во-первых, являются не терминологией самого Тертуллиана, а цитатами из Библии, а, во-вторых, обозначают часть тела, они не имеют отношения к обсуждаемой проблеме.

Наконец, есть несколько действительно спорных случаев, когда слово *persona* используется не в нарративном, а в метафизическом описании Бога, в отрыве от конкретных библейских фрагментов. Тертуллиан пишет, что Слово – это вторая вещь и персона (*res et persona*) после Бога (7.5); персона – это субстанция Слова, которая именуется Сыном (7.9); а еретики различают в одной персоне [Христа] Отца и Сына (27.1). При этом стоит заметить, что

данные отрывки относятся к тем высказываниям, в которых Тертуллиан либо пытается говорить на языке своего заблуждающегося упрямого собеседника (7.5,9), либо пересказывает мнение еретиков (27.1). Вдобавок, утверждение, что персона Сына – это название субстанции Слова (7.9), противоречит многократным и явным утверждениям самого Тертуллиана о том, что у Отца и Сына одна и та же субстанция (e.g. 2.4). Таким образом, хотя данные случаи употребления слова *persona* не относятся к нарративному описанию, их также не следует причислять и к тем пассажам, где Тертуллиан приводит собственное метафизическое описание Бога.

5.2. *Gradus*

Специальным техническим термином в метафизических рассуждениях Тертуллиана о Троице служит слово *gradus* (в обыденном значении: ступень, шаг). В начале трактата Тертуллиан приводит собственную теоретическую модель Бога (2.4), согласно которой Отец, Сын и Святой Дух – это Единица и Троица, один статус, одна субстанция, одна власть, но три ступени (*gradus*), три формы (*formae*) и три вида (*species*). Далее в тексте трактата именно «ступень» приобретает значение узкоспециального термина, в то время как «форма» и «вид» используются как обычные многозначные слова.

Тертуллиан утверждает, что Троица спускается от Отца по соединенным и связанным ступеням (8.7). Он называет Сына «другой ступенью» (*alius gradus*) по отношению к Отцу (19.8), а Святого Духа неоднократно обозначает просто как «третью ступень» (*tertius gradus*) (4.1; 9.3; 30.5). Все случаи богословского употребления Тертуллианом слова *gradus* относятся лишь к метафизическому описанию Бога⁴, то есть, не связаны с каким-либо конкретным текстом. При этом Тертуллиан употребляет это слово строго в одном и том же смысле – трех ступеней Троицы, где Отец является первой, Сын второй, а Дух третьей ступенью.

5.3. *Forma, species, res*

Помимо термина *gradus* в метафизических рассуждениях Тертуллиана о Боге встречаются слова *forma* (форма, фигура), *species* (вид, облик) и *res* (вещь, объект, штука). Однако, в отличие от слова *gradus*, которое употребляется в одном и том же узкоспециальном значении, эти три слова имеют широкий спектр применения. Во-первых, как уже было сказано, они используются в рассуждениях о Троице (2.4; 7.5; 8.5,6; 13.10). Во-вторых, они

⁴ Два раза Тертуллиан использует слово *gradus* в обыденном, небогословском значении, в обоих случаях обозначая им некий промежуточный тезис, шаг в рассуждении (8.1; 22.10).

применяются хотя и в богословском, но не тринитарном контексте (7.1,8; 8.1; 27.6,7,11). А еще Тертуллиан иногда употребляет их как чисто философские, а не богословские термины в более-менее общепринятом смысле (6.3; 27.5-7,12). Но чаще всего эти слова встречаются не в техническом, а просто в обыденном значении. Получается, что в тех редких случаях, когда Тертуллиан использует *forma*, *species* и *res* при описании Бога, то, как и в случае слова *gradus*, мы имеем дело с метафизическим описанием. Однако, в отличие от слова *gradus*, этим словам не следует приписывать статус специального технического термина, поскольку Тертуллиан также употребляет их и в множестве других значений.

Таким образом, мы видим, что в рассуждениях Тертуллиана о Троице слово *persona* служит лишь для толкования библейских фрагментов и не используется в качестве универсального термина. Слово *gradus*, наоборот, используется только вне библейского контекста как универсальный термин тринитарной догматики.

6. Заключение

Данное исследование показывает ошибочность распространенного мнения о том, что автором тринитарной формулы «одна субстанция, три персоны» является Тертуллиан. Тертуллиан предпочитал другую формулу – «одна субстанция, три ступени (*gradus*)», которая не была воспринята последующей традицией. Последователи модализма, с которыми полемизирует Тертуллиан, вполне могли бы принять формулу «три персоны» как отражающую их собственное учение, однако они вряд ли согласились бы с тем, что у Бога есть три «ступени»⁵.

Тертуллиан использует слово *persona* не в качестве догматического термина, а как средство анализа библейских нарративов. Его функция состоит в том, чтобы идентифицировать в текстах Библии участников внутрибожественного диалога, и наиболее точным переводом применяемого Тертуллианом термина *persona* является «персонаж». Тертуллиан не принял бы утверждения «в Боге три персоны» по той причине, что для него персоны (персонажи) могут быть в каком-то нарративе, в тексте, в истории, но никак не «в Боге».

⁵ С точки зрения ортодоксальной догматики термин *gradus* является не менее проблематичным, чем *persona*. Если *persona* имеет явный модалистский оттенок, то *gradus*, наоборот, тяготеет к противоположной крайности – монтанизму. Однако это не могло стать проблемой для Тертуллиана, коль скоро он сам был монтанистом.

Последующие поколения богословов заимствовали у Тертуллиана не его догматический термин *gradus*, а нарративный термин *persona*, при этом переквалифицировав его в догматический термин. Ответ же на вопрос, почему «персона» понравилась им больше, чем «ступень», – это тема для совсем другого нарратива.

REFERENCES

- Balthasar, H.U., von. (1992) *Theo-Drama: Theological Dramatic Theory. Vol. 3. Dramatis Personae: Persons in Christ*. Harrison, G., trans. San Francisco.
- Brouwer, R. (2019) "Funerals, Faces, and Hellenistic Philosophy: On the Origins of the Concept of Person in Rome," in: Lolordo, A., ed. *Persons. A History*. Oxford, 19–45.
- Doran, R.M. (2019) *The Trinity in History: A Theology of the Divine Missions. Vol. 2. Missions, Relations, and Persons*. Toronto.
- Osborn, E. (2003) *Tertullian, First Theologian of the West*. Cambridge.
- Ratzinger, J. (1990) "Concerning the Notion of Person in Theology," *Communio* 17, 439–454.